

СТИХИ ДЛЯ НАРОДА

Он продолжал углубляться в крестьянскую жизнь, изучать народный характер, язык и поэзию. На этом пути родились "Коробейники" - поэма истинно народная. Она принадлежит к тому же грешневскому циклу лета 1861 года. Посвящение к поэме помечено: "23 августа 1861, Грешнево". Вот как выглядит это посвящение:

Другу-приятелю
Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды,
Костромской губернии).

Далее следовали двенадцать строк, обращенных непосредственно к Гавриле Яковлевичу и служивших как бы предисловием к поэме:

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал!
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу,
Буду рад, коли понравится,
Не понравится - смолчу...

Так, в самих некрасовских стихах отыскался и был назван по имени один из тех, кого поэт в своей деревенской жизни величал то приятелями, то друзьями. Обращение к нему в стихах через журнал "Современник" носило, конечно, вызывающий характер. Мы не знаем другого поэта, который с таким простодушием печатно предлагал бы свое творение на суд крестьянских читателей.

Гаврила Яковлевич был одним из постоянных спутников Некрасова в его охотничьих скитаниях. Однажды охотники проходили через сельское кладбище. Некрасов разглядывал надписи на могилах, а Гаврила пояснял их. Вероятно, тогда же была задумана серия сатирических эпитафий. Сохранилась одна из них, всего шесть строк, но в них - портрет мелкого помещика-крепостника, одной из типичных фигур тогдашней глухой провинции!

Зимой играл в картишки
В уездном городишке,
А летом жил на воле,
Травил зайчишек груды,
И умер пьяный в поле
От водки и простуды.

Можно сказать, что какая-то доля в создании этой эпитафии принадлежит и Гавриле Яковлевичу.

Именно он в другой раз рассказал на охоте и тот случай, который лег в основу сюжета "Коробейников".

Согласно позднему рассказу его сына Гаврила Яковлевич сам знал охотника Давыда Петрова из деревни Сухоруково, который встретил в лесу двух коробейников и ценой убийства решил завладеть их "богатством". Некрасов ухватился за этот нехитрый сюжет, ибо он позволял ему осуществить уже созревший замысел - создать поэму из народной жизни, показать, как и чем живет крестьянство, - вместе с коробейниками побывать в деревнях и селах, всюду, где толпится народ; прислушаться к его толкам о войне, о рекрутах, о попе, о барыне и

помещиках; передать его речь, юмор и песни; в свободных картинах показать безысходный трагизм деревенской жизни ("Песня убогого странника").

"Коробейники" - первое произведение в обширном цикле 60-х годов, посвященном крестьянству, цикле, увенчанном поэмой "Кому на Руси жить хорошо". Это только первый набросок грандиозной поэмы-путешествия, но уже здесь, в "Коробейниках", явственно проступает замысел поэта - пройти всю Русь, обозреть ее вместе с мужиками. Не об этом ли напоминает "убогий странник", когда говорит о тех,

Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет...

В этой поэме, как и в лирике начала 60-х годов, Некрасов показывает большие и малые события глазами своих героев, простых деревенских людей; они сами говорят в его стихах, мы слышим их голоса, когда они поют свои песни, разговаривают друг с другом, произносят целые монологи. Песней одного из коробейников открывается поэма:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча...

Кто не знает теперь "Коробушку" - это едва ли не самая популярная русская песня, ставшая народной чуть ли не в день своего появления. В другой песне, тоскливой и протяжной, поется о голоде и холоде - постоянных спутниках крестьянина.

Устами Тихоныча, старого коробейника, народ произносит в поэме свой суд над царем и войной, несущей горе и разорение крестьянству:

Царь дурит - народу горяшко! {*}
Точит русскую казну,
Красит кровью
Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.

{* В "Современнике" и других подцензурных изданиях было напечатано: "Враг дурит - народу горяшко!"}

Тот же коробейник рассказывает историю Титушки-ткача, по ошибке суда просидевшего в тюрьме двенадцать лет, потерявшего дом и жену и ставшего затем "убогим странником".

Катеринушка в большом монологе признается в своей готовности терпеть и трудиться ради любви. Ее характер еще не развернут, но в нем уже намечены те черты, какие присущи женщинам других крестьянских поэм Некрасова и прежде всего Дарье ("Мороз, Красный нос"). Образ Катеринушки наполнен чистотой, силой чувства. Ее преданная любовь к коробейнику Ване служит основой лирической линии в сюжете поэмы.

Устами самого народа говорится в некрасовской поэме о тех, кто притесняет народ, - о царских чиновниках, судьях. Еще в стихотворении "Похороны", в рассказе крестьянина о том, как "застрелился чужой человек", прозвучали слова, рисующие отношение народа к неправедным судьям: "Суд приехал... допросы... - тошнехонько!" В "Коробейниках" Тихоныч рассказывает, как безвинно пострадавший Титушка-ткач закричал своим судьям:

"А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?.."

Не забыл поэт отметить и появление в деревне такой фигуры, как хищник-целовальник, спаивающий мужиков, идущих с горя в кабак. Некрасов точно охарактеризовал эту, фигуру:

Ты попомни целовальника,
Что сказал - подлец седой!
"Выше нет меня начальника,
Весь народ - работник мой!.."

Здесь пронизательно указана власть хищника-торгаша над крестьянством; это ранний набросок типа деревенского эксплуататора, образ, который еще не раз появится в некрасовской сатире.

Так в небольшой поэме развернулась панорама крестьянской Руси. В свободной и емкой композиции, соединяющей эпическое и лирическое начала, в скупом и точном словесном рисунке, в подлинно народном языке поэмы сказалось зрелое мастерство Некрасова; он был знатоком крестьянской речи и отлично чувствовал ее национальную природу.

"Коробейники" - первая его поэма, написанная не только о народе, но и для народа. Писать для крестьянства - такова цель, которую ставил теперь перед собою художник. Он нашел самый верный путь к сердцу и разуму своих читателей - не ограничившись тщательным воспроизведением живого народного языка, он обратился к фольклору - поэма насыщена образами и лексикой народнопоэтического творчества. Песни, поговорки, "приметы, шутки, выражающие народный взгляд на вещи, вошли в ткань поэмы и помогли автору оценить окружающую действительность с точки зрения крестьянина, то есть поэтически воспроизвести мировоззрение народа. По выражению К. И. Чуковского, получилось так, "словно эту поэму написали сами крестьяне". Особый колорит придают "Коробейникам" эпитафии-зачины, предпосланные каждой из шести глав, составляющих поэму. Эпитафии, заимствованные из песен, из крестьянских шуток, из припева деревенских торговцев, из старинных былин, как бы обрамляют поэму, подчеркивая ее народнопесенную основу. Подлинная народность "Коробейников" была отмечена современной критикой. Аполлон Григорьев в журнале "Время", в большой статье о втором издании "Стихотворений" Некрасова, назвал поэму "удивительной по форме"; она содержит ряд "беспрестанно сменяющихся картин, в рамы которых вошло множество доселе нетронутых сторон народной жизни, картин, писанных широкою кистью, с разнообразным колоритом...".

Правда, противореча себе, Григорьев тут же говорил о "скудости содержания" поэмы, а Некрасова объявлял - в духе своих взглядов - "поэтом почвы". Тем не менее общий вывод его был справедлив: одних "Коробейников" достаточно, чтобы понять, насколько Некрасов поэт народный, то есть насколько "поэзия его органически связана с жизнью".

Еще более интересен отзыв о "Коробейниках" журнала "Русское слово" (1861, №12). Восторгаясь жизненностью и поэтичностью поэмы, рецензент особо выделял в ней "Песню убогого странника": "... что может быть безыскусственнее и проще этой песни! Но простотой-то она и сильна. Это великая и грозная своим величием простота. Дальше уже в этом отношении, мне кажется, поэту идти некуда: в песне странника он овладел элементом народного творчества, он постиг тайну этого творчества... Она вылилась непосредственно из души, как один вопль нашей всеобщей великой скорби! Да, Некрасов своею песней стал поэтом этой великой скорби! И "Песня убогого странника" не должна быть пройдена равнодушием или невниманием, - нет, она должна быть подхвачена сотнями тысяч голосов. Да, эта песня не должна быть забыта: она долгая, бесконечная наша песня".

Демократическое "Русское слово", где с весны 1861-го начал работать Д. И. Писарев, в то время было одним из немногих журналов, которые открыто поддерживали "Современник" и его редактора. В конце года журнал несколько раз возвращался к оценке поэзии Некрасова. В одной из статей Писарев громко заявил о своем уважении к поэту "за его горячее сочувствие к страданиям простого человека" и добавил: он "может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия". В №11 "Русского слова" за тот же год Некрасов впервые был назван "великим поэтом".

Первыми слушателями "Коробейников" в Грешневе были сестра Анна Алексеевна и местные крестьяне-охотники, в том числе Кузьма Ефимович Солнцев и, вероятно, Гаврила Яковлевич Захаров, которому посвящена поэма. Дружба Некрасова с ними продолжалась и в более поздние годы, когда поэт приезжал уже не в Грешнево, а в Карабиху. Отсюда они совершали свои охотничьи походы. Некрасову приходилось бывать в доме Гаврилы Яковлевича; он знал его жену, любил с ней разговаривать, делал ей подарки. Сам Гаврила получил от поэта книгу стихов с дарственной надписью, и можно предположить, что в деревне Шода, затерянной среди глухих лесов и болот, не он один по складам читал эту книгу.

А что он ее читал и, может быть, знал наизусть многие стихи, видно из его более позднего письма к Некрасову, писанного в пасхальные дни 1869 года. Тогда же он прислал и свой фотографический портрет, снятый в Костроме: бородатый охотник изображен во весь рост, в полной амуниции и с собакой у ног. На обороте фотографии сделана надпись, она кончается словами: "От друга приятеля крестьянина деревни Шоды Гаврилы Яковлева". Тут же четверостишие из некрасовского посвящения к поэме ("Не побрезгуй на подарочке...").

Что же касается единственного уцелевшего письма Гаврилы Яковлевича, то оно согрето таким неподдельным теплом, что мы приведем из него два отрывка (с сохранением особенностей написания):

"Христос воскрес! Дорогой ты мой боярин Николай Алексеевич. Дай тебе бог всякого благополучия и здравия да поскорее бы воротитца в Карабиху. Об ком же вспомнить как не о тебе в такой великий и светлый праздник. Стосковалось мое ретивое, что давно не вижу тебя, сокола ясного. Частенько на мыслях ты у меня и как с тобою похаживал по болотинам вдвоем и все это очень помню, как бы это вчера было и во сне ты мне часто привидишься... Коли надумаешь ты порадовать меня, то пришли мне поскорей также свой патрет, хоть бы одним глазком я посмотрел на тебя. Пиши страховым письмом, а то украдут на поште...

Не забывай нас, а засим остаюсь друг и приятель твой деревни Шоды крестьянин Гаврила Яковлев, а со слов его писал ундер-офицер Кузьма Резвяков" (20 апреля 1869 года).

* * *

Некрасов успел включить "Коробейников" во второе издание "Стихотворений", разрешенное цензурой еще в мае, но вышедшее поздней осенью 1861 года. Кроме того, поэма была напечатана в октябрьской книжке "Современника".

Тогда же возник вопрос? как сделать, чтобы поэма из народной жизни, насыщенная песенно-сказовыми мотивами, доступная восприятию крестьянства, дошла до крестьянских читателей? Нельзя же было надеяться, что деревня станет выписывать "Современник"! Тогда он решил выпустить поэму отдельным изданием и распространить ее в деревне через посредство продавцов-офеней. Чтобы организовать это дело, Некрасов, возвращаясь из Грешнева в начале сентября 1861 года, решил сделать крюк и заехать в слободу Мстеру на берегу Клязьмы, которая его давно интересовала как своеобразный культурный центр. Еще в 1853 году, во время первой поездки во владимирскую деревню Алешунино, он побывал в Мстере, где видел странствующих торговцев-офеней, разносивших отсюда по всей России иконы и лубочные картинки, - их изготовляли в литографии местного книготорговца из крестьян Ивана Александровича Голышева. К нему-то и приехал теперь Некрасов. Сохранился рассказ Ивана Александровича об этой встрече:

- Летом 1861 года к нашему дому подъехала дорожная коляска, запряженная не то тройкой, не то четверкой лошадей. Из коляски вышел господин невысокого роста с бледным лицом. Он оказался поэтом Некрасовым, слава о котором давно уже долетела до нас...

Приезжий объяснил, что он едет в Петербург из своего имения и что нарочно заехал в Мстеру, чтобы узнать подробно о книжной торговле через офеней и ходящих. Некрасов долго сидел у Голышева, расспрашивая его, затем, напившись чаю, попросил показать ему магазин, торговавший народными книгами и картинами. Внимательно просмотрев их, он

сообщил хозяину о своем намерении заняться изданием для народа особых книжек, которые он предполагал составлять из своих стихотворений "и распространять через офеней.

- По моему совету, - заканчивает свой рассказ Голышев, - Некрасов решил, что небольшие книжки с его стихами будут выходить в красной обложке и называться "Красными книжками".

При осмотре магазина Некрасов, конечно, не мог не обратить внимания на чрезвычайную бедность лубочной литературы: здесь преобладали издания вроде "Английского милорда", портреты грузных и грозных генералов; особенно популярен был прусский фельдмаршал Блюхер, которого можно было встретить в любой деревне. Эти впечатления позднее отразились в поэме "Кому на Руси жить хорошо", в описании "сельской ярмонки", где даны сатирические зарисовки лубочной книжной торговли через офеней:

... Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Уже в Петербурге зимой Некрасов напечатал первый выпуск задуманной серии, то есть поэму "Коробейники", Отправляя эти книжки Голышеву, он сопроводил их таким письмом: "Милостивый государь! Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначаящихся для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена - 3 копейки за экземпляр, - потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов) - таким образом, книжка и выйдет в три копейки, не дороже" (28 марта 1862 года). Таким образом, автор не оставлял ничего на свою долю и брал на себя все расходы по изданию. Второй выпуск "Красных книжек", куда Некрасов включил несколько стихотворений ("Огородник", "Забывтая деревня", "Школьник" и др.), вышел в 1863 году. То же количество экземпляров Некрасов опять отправил в Мстеру. В ответном письме Голышев писал Некрасову: "Позвольте принести Вам, Ваше Высокоблагородие, за Ваше доброе ко мне и лестное доверие мою глубокую благодарность; Вы вполне удовлетворяете Вашими прекрасными изданиями требование меньшинства, даете возможность пользоваться бедному сословию полезными Вашими книжками и украшаете народную книжную торговлю" {Цит. по книге "Переписка И. А. Голышева с разными учеными лицами". Владимир, 1898.}. Общедоступные книжки помогали некрасовским стихам проникать в народ, становиться песнями. Однако после второго выпуска издание было запрещено. Владимирский губернатор специальным циркуляром отменил также продажу уже вышедших книжек на сельских ярмарках и в деревнях.